

Руснак А.

О ВЫДЕЛЕННОМ
МЫШЛЕНИИ
И ДО-МЫШЛЕНИИ

Опыт
странныго мышления

Часть III

ΕΠΙΣΤΗΜΗ
ΚΕΛΣΟΥ

В этой части речь пойдет о некоем выделенном мышлении, о том мышлении, которое пытается стать чем-то особо действительным, конкретным и единственным, неким особым инструментом взаимодействия с происходящим. Речь также пойдет о том мышлении, которое связанно с определенными попытками обнаружить фундаментальные основания и пределы позитивной науки и другого выделенного знания. В предложенной части будут рассмотрены вопросы возможности воссоздания с помощью такого мышления какой-то окончательной «теории всего» или некоей последней теории о мире, о человеке и обо всем том, что скрыто и не наблюдаемо в обыденной действительности в качестве чего-то остановленного.

Язык и слова в работе применяются специфическим образом, что требует определенной подготовки для понимания и раскрытия сути текста. Он не обладает никакими особыми эзотерическими свойствами. Все высказанное — это только личное мнение автора, и оно может изменяться в зависимости от вновь приобретаемого опыта. Предложенное повествование не имеет буквального или прикладного прочтения, не имеет прямого отношения к происходившему или происходящему, все это не более чем умственные построения в каком-то абстрактном пространстве.

Работа состоит из нескольких частей, не является академическим справочником по философии, учебным пособием, научной монографией. Предназначена для тех, кто интересуется специфическим мышлением и тем, что за этим.

Руснак А.

- Р 88** О выделенном мышлении и до-мышлении. Опыт странного мышления. Ч. 3. / А. Руснак. — Кривой Рог: Издатель Чернявский Д.А., 2020 - 33 стр.
ISBN 978-617-7784-78-3

У цій частині йдеться про якесь виділене мислення, про те мислення, яке намагається стати чимось особливо дійсним, конкретним і єдиним, таким собі особливим інструментом взаємодії з тим, що відбувається. Мова також піде про те мислення, яке пов'язане з певними спробами виявити фундаментальні підстави і межі позитивної науки і іншого виділеного знання. У запропонованій частині будуть розглядатися питання можливості відтворення за допомогою такого мислення якоїсь остаточної «теорії всього» або якоїсь останньої теорії про світ, про людину і про все те, що приватно і що не спостерігається в повсякденній дійсності в якості чогось зупиненого.

Мова і слова в роботі застосовуються специфічним чином, що вимагає певної підготовки для розуміння і розкриття сути тексту. Все висловлене — це тільки особиста думка автора, і вона може змінюватися в залежності від придбаного досвіду. Запропонована оповідь не має буквального або прикладного прочитання, не має прямого відношення до того, що відбувалося або відбувається, все це не більше ніж розумові викладення в якомусь абстрактному просторі.

Робота складається з декількох частин, не є академічним довідником по філософії, навчальним посібником або науковою монографією. Призначена для тих, хто цікавиться специфічним мисленням і тим, що за цим.

Оглавление

Оглавление.....	3
1. О выделенном мышлении.....	4
До-мышление, дух и явленное	4
Первое определение, гипотеза о возникновении	5
Взаимодействие с тем, что находится за выделенным мышлением, и критерии выделенного мышления	6
Искусственный язык и взаимодействие с обыденным.....	6
Выделенное мышление всегда как упрощение	7
Промежуточные конструкции	9
Всеобщее мышление и преодоление специализации	10
Отсутствие единой теории мира (теория всего).....	10
Невозможность сведения какого-то выделенного мышления к общему знаменателю и проблема перехода мышления к мышлению	11
Разветвленность выделенного мышления	12
1.1. Примеры выделенного мышления.....	13
Математика и ее основания	13
Физика	15
Аналитическая психология	16
2. Какое-то слабоумие, пределы научного мышления и на службе.....	16
Слабоумие научного мышления и вопрос «зачем»	19
На службе у тех, кто знает «зачем»	19
3. Пределы любого выделенного мышления, «теория всего» и фальсификация	22
Единственное мышление как слабоумие и «теория всего».....	22
Позитивистская фальсификация знаний о субъекте	24
Подмена мышления и происходящего. Путаница, деградация.....	26
Сводимость понятий и упрощение	27
Остыивание и гибель выделенного мышления.....	28
Образованная бездарность	28
Вера в чудеса тут.....	29
4. Сверхсила выделенного мышления	30
Отрицание другого выделенного мышления	30
Упрощение выделенного мышления	31
Конструкт как ино-инструмент воздействия на мышление	31
Выделенное мышление как сверхпреимущество и мнимая бесполезность теоретиков.....	32
5. Другое происходящее и другое мышление о нем	33

1. О выделенном мышлении

До-мышление, дух и явленное

Как происходит остановка? Как происходит реализация того, что нельзя остановить, того, что не останавливается? Как все-мышление становится конкретным происходящим?

Можно предположить какое-то до-мышление, какую-то неопределенность, какое-то происходящее, но невозможное для извлечения в качестве такового. В таком состоянии присутствуют основания явленного через слова мышления. И доступ к такому всегда происходит через выделение его, через мысли... через остывание его в словах, в конкретном языке, в смыслах, в понятиях... культуре... происходящем после... Но «все, что до» этого явленного — это загадка, это некое квантовое (очень условно) мышление, о котором ничего неизвестно на самом деле. Поэтому для работы с присущим, с широким присущим, для реализации присущия, для остановки до-мышления, для использования в присущии «квантового мышления» приходится использовать какое-то «выделенное мышление», и таковым выделением является все явленное мышление в языке и **весь язык в целом** как **некая мгновенно застывающая форма условного до-мышления**.

Любое явленное мышление, выделенное мышление¹ через язык всегда взаимодействует с тем «квантовым мышлением», с тем, что до него. Можно себе представить, что язык-мышление — это остывший-остывающий воск, а до-мышление — это расплавленный, сверхтвёрдый воск, и между ними есть некая точка перехода, и дух² в таком смысле — это некий холодный огонь, который постоянно плавит или охлаждает эти две взаимодействующие субстанции. Возбуждаясь, дух-энергия подключается к до-мышлению, возникает процесс холодного горения, дух что-то выжигает из той сверхтвёрдой субстанции, а затем после переплавки такое остывает в виде уже явленного мышления, явленного мышлением, мыслительных конструкциях. При этом все такое или «акты плавки» проходят вне явленного языка-мышления, поэтому они непонятны, не явлены..., но присутствуют как мгновенно-остывающие гипотезы. При этом явленные конструкты не подлежат обратной переплавке в обычном значении. Поэтому философия всегда обречена использовать обычный язык необычным образом, пытаясь «вскрыть» до-мышление, но почему-то всегда такие попытки — это «удар рыбы об лед». И широкое взаимодействие в присущем и соприсущем — оно все же шире...

И сооруженный застывший после-акта-духа-конструкт, как вырваность куска из до-мышлений — это уже нечто необратимое, и любой такой кусок, например, «гносеологическая теория Канта» — это нечто уже вырванное и необратимо застывшее, но это не то, о чём такой конструкт хочет, но не может сказать. Также и любая явленная мысль, мысль «время», мысль-явленность-застывание, но обратно никак не преодолеть эту явленную мысль, то есть невозможно посмотреть откуда возникает эта мысль, из какого до-мышления она возникает, поэтому определения понятия «время», «точка»... — это всегда другие остывшие слова, но не то-до-мышление... И можно научиться понимать чужие конструкты, но такое не всегда позволит как-то свободно и глубоко взаимодействовать с до-мышлением³.

¹ Частное, индивидуальное, личное, субъективное...

² Как принцип.

³ См. там, где «образованная бездарность».

Так же и математика в целом — это нечто переплавленное-остывшее оттуда и другое также...

При этом всегда возникает вопрос, а почему кроме такого явленного мышления есть и это «присутствие тут», которое как-то напрямую связано с до-мышлением, но как? И они, возможно, как-то взаимодействуют? И это одно и то же? И почему до-мышление взаимодействует с присутствующим только через вот такое явленное мышление? И «явленному мышлению» ни присутствие, ни до-мышление не явлены по-другому, кроме как вот так, вот в такой «формальной форме», которая есть просто какая-то болтовня, абракадабра... То есть, например, «точка» — это тра-та-та, и потом еще тра-та-та и так до бесконечности тра-та-та..., но ничего более такого... «Сознание» — это тра-та-та... «Информация, число, цвет, бесконечность...» При этом все разговоры, что есть какие-то конкретности, — например, «голод» означает «реальное» ощущение и «реальную» необходимость в употреблении пищи и «автомобиль» означает конкретный предмет — это все тоже превращается в тра-та-та, то есть все это широкое происходящее будет вступать во взаимодействие с до-мышлением через вот эти «явленные останавливающие формы», через «что-мышление», через «выделенное мышление».

Первое определение, гипотеза о возникновении

Можно начать «думать о чем-то», думать с помощью обычных слов, **слов о чем-то видимом тут, тут... в уме⁴**, но абстрагируясь от всего и концентрируясь на «каких-то мыслях о чем-то», о чем-то происходящем, взаимодействуя с таким происходящим, наблюдая за ним, работая с ним, воздействуя на него... Такие мысли «в итоге взаимодействия» могут становиться чем-то оформленным, чем-то определенным, чем-то выделенным в «отдельный объект мышления»⁵, в какой-то «способ мышления», в «формат мышления о чем-то происходящем», но уже в качестве выделенного мышления, условно абстрактного, какого-то сформированного мышления.

В последующем такое мышление может обрасти разным — какими-то знаковыми системами, каким-то структурами, такое мышление может быть разобрано на части, в нем может быть найдено что-то другое, какие-то важные неделимые единицы, в нем также могут быть определены какие-то связи внутри между тем, происходящим в нем.

Нельзя сказать, что выделенное мышление возникает случайно. Если говорить о какой-то практике мышления, например, о теоретической физике или о какой-то практике управляемого мышления, или о практике охоты на мамонта, то точно можно понять, что такое мышление не возникает на голом месте, и причиной его было какое-то стремление, стремление как-то взаимодействовать в происходящем и с происходящим. И если какое-то древнее «почему» — это сегодня загадка, то, в общем, это причина стремления быть как-то тут или не быть есть как какое-то основание что-мышления. То есть такое мышление не совсем «ни о чем» или «не почему», любое выделенное мышление уже достаточно конкретно, основательно, значительно и влияет на все происходящее тут достаточно определенным образом (мышление, взятое у Гегеля).

То, как начинали разные сообщества, было каким-то похожим, но разным, но выводы, к которым они пришли, очень схожи. То есть можно предположить, что внешняя структура языка и мышление — это разное, но для того чтобы это мышление проникало наружу, нам приходится использовать эти контуры-структуры. Можно придумать другие специальные языки —

⁴ Это перефразированное из Юма и из Канта.

⁵ Допустим некую «личность», ее так называемую память, опыт, знания, умения, навыки, конкретность...

математику, физику... и использовать эти внешние контуры для того чтобы..., но все равно постоянно чтобы понимать, это все приходится обращать в до-мышление и переводить контуры обычного языка и так далее. То есть там есть мысли и есть мышление, на которое указывают слова, предложения, формулы, доктрины, но они ни есть это до-мышление. Там, в основании всего есть загадочное до-мышление, на которое указывают структуры, но как о нем можно говорить без структур? И почему это загадка?

Взаимодействие с тем, что находится за выделенным мышлением, и критерии выделенного мышления

Такое мышление будет взаимодействовать с тем, что связано с таким мышлением, и такое взаимодействие может быть очень сложным, то есть результаты такого мышления могут становиться частью обыденного языка, частью обыденной культуры. И происходящее вне, в каком-то значительном происходящем может передаваться в такое мышление. Это взаимодействие с другим (разным, выделенным, определенным, упрощенным, отвлекаемым) предполагает и эмпиризм, и проверку опытом, и какую-то априорность, и интуицию, и инструментализм. Такое мышление может как-то передаваться другим, оно может излагаться, повторяться, воспроизводиться...

Выделенное мышление может обрасти разными критериями, например, истинности, научности, повторяемости, проверяемости, соответствия практике... и многим другим, но все эти критерии будут относиться к взаимодействию такого выделенного мышления с происходящим, с его становлением, применением, определением... Вне границ такого выделения такая методология будет ничем..., конечно, такие выделения могут быть достаточно значительным инструментом взаимодействия «с» и «в» происходящем. Такое выделенное мышление — это определенный инструмент, который позволяет каким-то новым другим образом работать с тем, что происходит, с широким тем... Но это не меняет того, что это мышление ничего не знает о своем происхождении, о своем источнике. «Источник», «Огонь», «Колодец» — что это?

Искусственный язык и взаимодействие с обыденным

Все «выделенное мышление», снова же, может быть понято как какой-то искусственный язык, как какое-то «выделенное мышление о каких-то абстрактных объектах», как какая-то культура мышления. Но все это мышление будет обращаться в обыденный язык и так же будет возникать из того мышления, которое стоит за всем этим явленным.

Тут может появиться мысль, что речь идет о каком-то научном мышлении, но тут все сложнее. Дело в том, что такое выделенное мышление — это не только научное мышление, тут может быть и музыкальное мышление, и какое-то сложное игровое, поведенческое, управляемое мышление, и знакомство с таким мышлением — это значительная практика. Конечно, все такое мышление, как и все мышление, пересекается там, в своем начале, но как?

Мысли о том, что может быть такое мышление искусственным и естественным — это упрощение. Все мышление в каком-то смысле сконструировано из обыденного языка (и из какого-то до-мышления, скрытого мышления), который каким-то образом позволяет застывать явленному из него мышлению. Но и такое обыденное тоже сконструировано, то есть его естественность — это тоже условность.

Выделенное мышление всегда как упрощение

Упрощение — это способ общения с происходящим. Мысление как-то происходит в происходящем, но мышление — это не только «отражение» происходящего, это нечто иное, но это тоже какое-то особое происходящее. И все-происходящее, и мышление как-то взаимодействуют, и это взаимодействие каким-то образом мышление пытается «сделать явным». И вот это явленное после в чем-то будет являться каким-то упрощением, понятым, понятным, осознанным или уже определенным понятием, идеей, схемой, конструкцией, теорией, гипотезой, предположением, мыслью о чем-то.

Итоговым упрощением может быть какая-то языковая модель, какая-то математическая модель, какой-то предмет и вообще что угодно в границах «этого угодно». Но такое упрощение — это не то, что происходит, не то, что как бы на самом деле до упрощения, и его можно понимать, как копию⁶ происходившего, но это будет тоже упрощением. И любая станция по производству энергии — это не то, что происходит само по себе, а это упрощение, то есть конструирование из этого происходящего какого-то упрощения. А что происходит само по себе и что это за происходящее?

Проблема любого останавливающего мышления (явленного духа, присущей действительной духовности) — это то, что оно, даже пытаясь понять самое себя, создает «упрощенные схемы», но когда оно происходит в происходящем, это нечто другое, чем упрощение о себе после.

Как приблизиться к тому, что происходит на самом деле? То есть на самом деле понять это происходящее в его первом значении и происходящее мышление? Как преодолеть этот порог? Возможно ли его преодолеть? Как понять этот порог и то, что находится за этим порогом? Всякие предположенные кантовские «вещи в себе» можно предполагать в качестве какой-то бессмыслицы и предполагать, что нет никакого скрытого, но если это так, и есть только «явленное мышление» с его аристотелевскими законами формального мышления, то тогда можно заметить и определить мышление, и классическая физика тогда — это единственная физика, но увы..., и разгадка мышления, и теория всего будут являться в этот «мир видимого» только в качестве очередных предположений через какой-то ино-язык.

Любое выделенное мышление и даже «мышление о самом мышлении»⁷ — это всегда какое-то явленное упрощение, которое не может приблизиться к тому, что происходит на самом деле. Но при этом через такое «выделенное мышление» удается взаимодействовать с происходящим, то есть другой слышал вас, он что-то и как-то понимает и может адекватно взаимодействовать с вами, то есть «выделенное мышление», через которое происходит обращение, в другом обращается в тот первоисточник, из которого возникает выделенное мышление.

«Выделенное мышление» — это особый инструмент, который позволяет так же взаимодействовать со средой, создавать различное, и это различное очень значительно, то есть оказывается, что если и «выделенное мышление» — это упрощение, и это не то, что происходит на самом деле, то все же почему-то присутствует какая-то «адекватность взаимодействия», и это не исключает и какой-то «неадекватности». Такая «неадекватность» может иметь различное

⁶ Математика — это тоже такое же упрощение, как и явленное мышление в целом, это какое-то упрощение чего-то другого, и язык в таком смысле — это конкретная реализация упрощения.

⁷ Допустим, какая-то гносеологическая теория, теория Гуссерля, система Канта.

упрощенное мышление о себе, то есть какие-то схемы упрощения о ней, но, возможно, за ней тоже есть нечто очень сложное.

Как в таком значении понимать математику, логику в виде явленных чистых форм мышления? В каком-то смысле после оценки возможностей математики как чистого мышления могут возникать мысли о необходимости отбросить мысль о каком-то «выделенном мышлении» и «чего-то за ним»⁸ и принять вот такое мышление, допустим, «обычную логику» в виде вот этого единственного мышления, которое точно показывает, как существует мышление в том его «не явленном первоначальном виде», в виде происходящего, и это также касается и широкого происходящего, но после всех попыток как-то опереться на такое мышление и понять все происходящее все это опять оказывается почти бесполезным.

То есть в виде выделенного мышления математика позволяет создавать значительные инструменты взаимодействия с происходящим, но при этом в итоге это только упрощение происходящего, потому что оказывается, что для создания «теории происходящего» приходится создавать какой-то иноязык, какую-то «схему происходящего», и эта схема не является математикой, а является каким-то особым выделенным мышлением, какой-то «теоретической физикой», которая, конечно же, взаимодействует с остальным выделенным мышлением, с языком в целом и разным, что есть в языке, и самое главное, с тем, что за ним, до него и происходит в каком-то происходящем значении.

В таком же ключе может быть понята и логика, и формальная, и другая, в каком-то смысле это какое-то выделенное мышление, это какой-то способ «упрощения мышления», «конкретизации каких-то аспектов» явленного мышления. Но это все не позволяет создать «тотальную теорию мышления», то есть приходится прибегать к каким-то «гносеологиям», которые есть «теории явленного мышления», но никакая «теория познания-сознания», никакая эпистемология не может вскрыть того, что находится за явленным мышлением.

Разговоры о таком происходящем ино-мышлении могут быть, сюда можно отнести мысли Юнга о таком, но что есть такие мысли на самом деле? Такие мысли о том находящемся за ино-мышлением становятся чем угодно, иногда такое «выделенное мышление» — это просто какая-то негативность, какая-то выдумка, какая-то бесполезность. И опять же дилемма в том, что «выделенное мышление» как-то взаимодействует с тем, что за ним, но «определить» его не может. Такое «за мышлением», возможно, не бессознательное, не..., а это нечто абсолютно неопределенное в формате выделенного мышления, и взаимодействие с ним как-то происходит, но выдавать такое взаимодействие за определение — это тоже бесполезность.

И что в итоге? В итоге вот только такие разговоры, которые, конечно же, позволяют создавать выделенное мышление, такое мышление позволяет взаимодействовать со всем широким происходящим, и такое взаимодействие очень значительно, и в воздействие на происходящее значительно, и воздействие этого «выделенного происходящего»⁹ на мышление тоже значительно.

И все такое «возникающее», все это «выделенное» и «взаимодействие» дает надежду на то, что даже не получив возможности раскрыть в границах сознательного мышления «чем это все является на самом деле», можно все же создавать различное, очень значительное и взаимодействие, и выделение, и выделение за ним, и выделенное после. И, возможно, можно

⁸ Широкой «вещи в себе».

⁹ Возникшего в результате «выделенного мышления».

будет создавать какое-то «выделение», и его можно будет назвать в явленном виде «искусственным интеллектом», а внутри этого будет происходить нечто, что будет непонятным и неизвестным до конца¹⁰, как и то, что происходит внутри другого «происходящего, но выделения».

Всякое мышление — это всегда упрощение? Если упрощение — это не то, что есть на самом деле, то что же есть на самом деле? Что? И тут про то, что на самом деле, могут быть разные неокончательные мысли.

Упрощенное мышление — это примитивность мысли, оно берет какую-то конструкцию и, не погружаясь в ее содержание, берет из нее что-то, упрощает это до чего-то примитивного. Но раскрытие конструкции — это тяжелая работа ума, это распутывание клубка, сотканного из множества смысловых частей, значительности связей, цепочек, выводов, планов, решений, эха какого-то отражения в каком-то произошедшем. Но какая-то сложенная мысль — это какое-то значительное здание, в котором есть множество всего, и звук в каком-то конце такого строения может отражаться эхом под сводами купола такого храма мысли множествами оттенков и повторений. Такое эхо позволяет каким-то образом схватывать какое-то скрытое, какое-то невидимое там, в этом мироздании застывшей мысли. Но простота в виде упрощения не хочет напрягаться, не хочет утомлять себя.

Промежуточные конструкции

Есть мысль, что у нас нет последнего ответа, и что у нас есть только промежуточные конструкции, и такие конструкции позволяют создавать более совершенную следующую конструкцию. Таким и является процесс развития знания. Но где конец такому? Такой способ — это некая дурная бесконечность? И тут нужно предположить:

— что либо все конструкции — это ложность..., но как тогда возникает возможность создавать нечто положительное, а не только некие фантастические химеры;

— либо они не все в каком-то смысле ложные, но и не ложные одновременно. То есть нам не удастся создать последнюю конструкцию, так как наше мышление не равно происходящему, и конструкции — это единственный «способ общения» с происходящим. И в этом общении есть нечто большее, и такое большее, возможно, присутствует в некоторых математических симметриях, точнее, они говорят нечто о том, как мышление соответствует происходящему. Попытка разгадать такое взаимодействие будет преследовать человеческий ум постоянно.

Чем являются такие конструкции на самом деле, это только конструкции? Что значит расшифровать такую конструкцию? Что есть общего между различными конструкциями? Есть ли какие-то общие черты? Возможно, такие черты говорят нечто не только о конструкциях, но и о чем-то другом?

¹⁰ То есть такое будет как-то понято в рамках «выделения», но за этим — будет опять же нечто неизвестное.

Всеобщее мышление и преодоление специализации

В любом случае все выделенное мышление всегда обращается к какому-то всеобщему мышлению, к какой-то общей культуре, к какому-то общему базису, к тому, что дано во всеобщей культуре, но все эти обращения выделенного и всеобщего — это, конечно же, неясность.

Сложность противостоит желанию теоретических физиков с помощью простых закономерностей описать ВСЕ. Можно ли с помощью какой-то теории объяснить все? Всегда возникает вопрос о возможности преодолеть «специализацию», но такой вопрос всегда останется открытым и неопределенным.

То есть любое выделенное мышление — это только какое-то ответвление от всеобщего мышления. И так, как каждое конкретное мышление — это всегда часть всеобщего, но и конкретность в том числе, поэтому преодолеть проблему выделения не выйдет, потому что любая всеобщность становится частностью в конкретном мыслящем. А затем конкретное мышление становится причиной ответвления от всеобщего, и при значительности такого мышления оно может начать влиять на другие умы и дальше стать чем-то выделенным для части таких умов. Но после оно, возможно, обратится ко всеобщему источнику и станет менять его, вносить в него корректизы, а затем весь процесс двинется в какую-то обратную сторону. А если быть точным, то «такое взаимодействие» происходит постоянно.

Отсутствие единой теории мира (теория всего)

Почему нет единой теории, которая объясняет Вселенную, микромир, мир...? Можно ли создать некую «теорию всего»?

Существует множество точек зрения, различных концепций, представлений, мировоззрений, идеологий, историй, рассказов, религиозных доктрин, научных теорий, которые «что-то говорят о мире», о происходящем..., однако все это не сводится к единому знаменателю, но почему? Почему? Не потому ли, что любой рассказ о происходящем, любая мысль, даже если такая мысль очень значительна, — это не то же, что происходит на самом деле? В таком значении поле для мышления о мире — это какая-то незамкнутая бесконечность, то есть наше мышление может рисовать разные причудливые узоры, но это не то, что есть на самом деле в его последнем значении, хотя это все как-то и соотносится. Но как? И чем является такое соотношение?

- Отсюда — возможность бесконечной множественности интерпретаций «мира».
- Отсюда возможна и ложь, и пропаганда... и остальное...
- Отсюда могут возникать различные суеверия и эзотерические учения...

При этом религиозный опыт и все, что связано с неким запредельным, не сводится к «что-то объяснять», тут все сложнее...

Всегда нужно помнить про ситуацию «проб и ошибок», каждый практик знает, о чем речь, то есть «ты думаешь, что это так», и подготовил «концепт», но «происходящее ведет себя не так, как ты о нем думаешь», и затем нужен «новый концепт», а затем оказывается, что «концепт» — это из мира мысли? И снова нужен концепт для объяснения происходящего... И, конечно же, «концепт» — это нечто, позволяющее очень существенно взаимодействовать с происходящим, но «слиться с ним», увы, не получится.

Конечно, такому всегда можно противопоставлять фундаментальную физику, но стоит вспомнить работу Гейзенberга «Физика и философия» и мысли о том, что квантовая теория не возникла как логическое продолжение классической физики. И это не логическая выдумка ума для того чтобы придать эксперименту (происходящему) какое-то определение, и абсурд такого определения неважен, главное, что «этот абсурд как-то объясняет... это», тут главное вот это «как-то» и происходящее затем..., а после — значительное количество физико-механических опытов и экспериментов, а после — различные установки...

Невозможность сведения какого-то выделенного мышления к общему знаменателю и проблема перехода мышления к мышлению

Существует значительная проблема перехода-связи метафизики и физики¹¹; метафизики, математики и логики; математики и логики; математики и физики; физики и химии; элементарной физики и квантовой... и обращения всего этого в обычный язык..., в обычное мышление... Но в первую очередь это особое предположение о том, что метафизика — это бесплодные фантазии, а физика — это очень практическое знание, позволяющие управлять действительностью в отличие от всяких химер.

При этом большая часть физиков не замечает, что они не могут не использовать обычный язык для разговоров о чем-то необычном, то есть когда они нечто произносят, они не замечают того что-то, что они произносят действительно только в границах какого-то концептуального взгляда, некоего вырезанного новояза¹². То есть, когда кто-то произносит «Вселенная расширяется», он забывает сказать о том, что это «нечто значит» только в границах «расчетов X», где Вселенная — это только «упрощение X», а расширение — это некое «упрощение Y». И то, что он говорит, значит то, что он думает, что **«упрощение X приобретает свойства Y»**, но «что такое Вселенная вообще» и «что значит разбегается», этого он и не знает, и не понимает... И слово «Вселенная» в таком смысле — это некая метка какой-то смысловой ничтожности, возможно, какого-то математического слепка из каких-то бессмысленных преобразований. И когда такие ограниченные мысли-высказывания привлекаются для использования такого в масштабах всеобщего мышления, это становится какой-то грандиозной глупостью.

Опять же, элементарная физика — плод рационального ума, сумевшего соединить логику, математику и происходящее¹³ в единый сплав, но в отличие от такого квантовая физика — это противоречивое изобретение ума, пытавшегося как-то объяснить эксперимент. И вывести квантовую физику из элементарной никак не получается, и в обратную сторону это работает так же.

Метафизика — это не сверхабстрактная физика, а математика — это не чистая физика, лишенная качественных свойств, а формальная логика — это не структура мышления и это нечто только о каком-то явленном, о каких-то явленных структурах, о пустом тождестве, поэтому тот же Кант ввел некую трансцендентальную логику для необходимости вскрыть... Метафизика не сводится к трем вопросам Хр. Вольфа, речь тут, скорее, о том, что оснований нет, нет начал мышления, нет ничего, с чего можно начинать, а также нет возможности «определить» происходящее, и невозможно понятно обнаружить «это» называемое словом «происходящее» в

¹¹ Гейзенберг, «Физика и философия».

¹² Что-то о неполноте?

¹³ Точка, вектор, энергия, пространство...

его каком-то «остановленном виде» — это и есть суть проблемы. При этом никакая негативная метафизика не может быть положительным знанием, но что толку от того, что это только акты мышления? И положительная метафизика — это какой-то абсурд в итоге, то есть какая-то негативность, нечто понятое в качестве схоластики. И критика Канта — это только предположительная схема разума-мира, но то, что за этой схемой — это нечто другое, нечто недоступное, какое-то не обнаруживаемое в итоге.

Возможно ли обнаружить единство всего этого названного? Почему все распадается, и почему именно так? Кто знает ответ? Или он скрыт там, в до-мышлении?

Разветвленность выделенного мышления

Выделенное мышление вторично и может быть определено по-разному, то есть оно может быть понято как:

— научное мышление; как какое-то философское мышление; как какое-то теоретическое мышление; абстрактное мышление; математическое мышление; логическое мышление; экономическое мышление; естественно-научное мышление; мышление какой-то школы физиков; мышление какой-то школы последователей какого-то конструктора; мышление какой-то структуры управления по управлению чем-то(кем-то); какое-то сложное организаторское мышление, в формат которого включена какая-то значительность; наукообразная философия; позитивизм; марксизм; фрейдизм; аналитизм; сенсуализм; эмпиризм; рационализм; историзм; прагматизм; персонализм; экзистенциализм; либерализм, либертарилизм; ставшая теория; учение; способ производства практики; различные методологические явления; методология Щедровицкого...

— а также экономическое, политическое, деловое, управленческое, теологическое, научное, юридическое, торговое, спецслужбисткое, военное, флотоводческое, артиллерийское, мышление шахматистов, спортивное, музыкальное, математическое, поэтическое, художественное и другое выделенное мышление, и все это — значительные достижения человеческой мысли.

И «определение» любого такого мышления не может быть жестким, не может быть окончательным, потому что все такое мышление всегда обращается в обыденный язык, а этот язык обращается в то всеобщее мышление, которое стоит за всем этим явленным мышлением, за всем сконструированным и оформленным мышлением.

1.1. Примеры выделенного мышления

Математика и ее основания

Возможно, у математики нет внешних оснований? То есть все основания математики находятся в нас, все открытия, которые можно осуществить в математике, тоже в нас, возможно, в том мышлении, которое находится за любым мышлением. Математика — это побочное древнее открытие, случайное открытие свободного ума, «открытие ума в себе такого мышления», ума, предоставленного самому себе, ума, погруженного в какие-то созерцания чего-то другого¹⁴.

Скорее всего, такой ум только условно отвлекался на условные практические задачи каких-то сверхдревних субъектов. И возможно, что такой ум (свободных жрецов) был погружен в поиски своих оснований, в обнаружение в своем мышлении (духе, ментальном) чего-то значительного, чего-то того, что позволило бы понять очень многое. В результате таких поисков и был найден (сконструирован) тот язык, который был узнан, допустим Пифагором (из других источников), как математика.

Такой особый язык при его обездвиживании и обесцвечивании приобрел определенную самостоятельность. Удивляет то, что такой язык позволяет описать многое из того, что происходит в этом мире, но он только повторяет происходящее и каким-то образом с помощью своих средств имитирует, каким-то образом располагаясь рядом возле происходящего. Математика — это параллельное воспроизведение какого-то процесса или это изображение, имитация, точнее, выдумывание процесса. В какой-то мере это только отражение (изобретение) реальности, то есть это определенная пародия на происходящее, но все же это «особое» изображение (картинка) реальности, это специфическое изобразительное искусство, у которого есть свои правила, многое из этого предположено людьми, но это предположение как-то¹⁵ соответствует работе явленного мышления = явленного происходящего. Это также и обычное свойство явленного мышления все упрощать (сведение, сведение..., перевод, упрощение...), и такое упрощение в целом можно понять в качестве некоей математики. Но что за таким, как оно сожительствует с тем, что скрыто за ним, и с этим, что скрыто за этой видимостью происходящего?

Многомерное пространство, которое противоречит евклидовой геометрии, и невозможность представить некие фигуры в воображении, но оказывается такое можно изобразить в виде математических предметов. Но и такая математика не противоречит явленному уму, а наоборот, она ему соответствует. Но почему нельзя свести треугольник к кругу? Круг к квадрату? Почему физика — это сначала математика, а затем уже не математика и даже не отдельный язык, а какой-то ино-язык? И тут дальше множество разных «глупых» почему.

Математика — это «разглядывание» мира через этот язык, но это не сам мир. Этот способ разглядывания поддается совершенствованию, какому-то усложнению. Такое разглядывание стало неким сверхсложным языком, на изучение которого необходимо израсходовать какую-то целую жизнь. Загадочными являются различные противоречия, разные пространственные противоречия несводимости. И также поражают различные математические установки, возможность таких установок. Все эти установки что-то говорят о мышлении, но что? Загадочным является также и то, почему математика может параллельно воспроизводить этот мир, и загадкой

¹⁴ Так, например, считается, что в йогических созерцаниях в Др. Индии был обнаружен ноль и другое.

¹⁵ Как? Вот в этом «как?» заключена очень значительная загадка.

является «какое-то»¹⁶ соответствие объектов математики и самих явлений. И может быть так, что только кажется, что математическая модель описывает нечто, возможно, все происходит как-то иначе.

И если математика — это какой-то особый язык, то почему всем все же после определенной подготовки понятен такой язык, откуда нам он известен еще до обучения ему? Это все говорит о каком-то общем в мышлении каждого, которое стоит за мышлением, и каждый сам может извлекать оттуда все это? То есть все это существует там до всякого обучения? Но как и что это? То есть математика как-то встроена в наше сознание, как и формальная логика. И тут множество вопросов: если бы математику не изобрели, не вскрыли, не выделили как нечто, она бы так и осталась невскрытой? Сюда можно отнести и другое подобное абстрактное выделенное в нечто в качестве какого-то языка. Сюда же можно отнести и мысль о том, что, возможно, не все найдено и выделено в итоге, и наше сознание скрывает еще множество разного неизвестного, что не явлено в качестве чего-то в явленном понятии. Но тогда как оно существует? Где оно существует и в качестве чего? Что это такое? Как его открыть?

И то, что «математе» — это знание, допустим, понятно, ну и что? Его также можно попытаться определить через «разное». С одной стороны, будет слово «математика», а с другой стороны — «определение». Например, что «математика» — это наука о... и дальше сумма слов, которые якобы и есть определитель слова «математика». То есть формальность говорит, что $A=A$, это какое-то тождество, но так ли это? Что такое замкнутость мышления? Замкнутость мышления — это отсутствие мышления?

Но чем площадь отличается от нашего вычисления? Можно всю жизнь прожить и не заметить того, что наши мысли о происходящем, даже такие мысли, как математика, это не то же, что и происходящее. В какой-то момент возникает желание подумать, что наше «вычисление» равно столу, площадь которого вычислялась, но так ли это?

Можно предложить более простое понимание такой проблемы «взаимодействия мышления и происходящего, через вычисление площадей». Можно нарисовать в уме 4 квадрата, то есть $2*2 = 4$, или 16 квадратов, или 32... В итоге можно получить бесконечное количество квадратов, но равно ли такое вычисление в уме поверхности какого-то конкретного стола? Или «стол» и «наше вычисление» — это, с одной стороны, мысль, а с другой стороны, есть нечто иное, нечто как-то в каком-то смысле доступное «разной мысли» в виде определения его через «очередную мысль», то есть «стол», или математическую мысль «32 квадрата», но само по себе это нечто иное, чем эти определения. И значительно упрощая мышление о таком, можно, допустим, заметить на плоскости реального стола, проведя по нему руками, разные бугорки и убедиться таким простым способом, что «любая изображенная идеальная площадь» — это «какая-то мысль ума». И, конечно же, всегда можно применить какую-то более изощренную мысль для изображения, например, какое-то дифференциальное-интегральное изображение, но в итоге все это только какое-то упрощение, какая-то мысль, которая затем опять сводима к чему-то, а после к следующему упрощению, а после его можно преобразовать во что-то иное...

Мысль «площадь стола» говорит о том, что то, что видится как «стол — это нечто неизвестное», а мысль «площадь стола» — это какое-то только мышление, и между ними есть какая-то странная «связь». И над пониманием того, «что такое эта «связь», ум бьется уже давно... Он хочет понять, а затем предложить какую-то схему (Кант, Гуссерль...), но толку? Что в итоге

¹⁶ В этой точке сломано немало копий...

становится известно? Доподлинно известно только то, что мы способны создавать очень сложные мысли о поверхности стола, и такие мысли могут приобретать форму математики, то есть это будут какие-то вычисления, и такие вычисления будут очень значительным инструментом взаимодействия с этим происходящим. Но что такое математические мысли, и почему есть такие мысли, чем они отличаются от нематематических, может ли быть математика 1, математика 2 и неизвестная нам математика? Не просто какая-то пока неизвестная, а совершенно другая? Всегда возникает тотальное «различие нашего мышления и того, что происходит», и тут можно двинуться к тому, чтобы создать некую новую математику, которая как бы на самом деле была бы действительной действительностью? И действительно ли мысли и то, что происходит — это разное или...? И почему есть возможность воздействовать на происходящее, но при этом оно все равно остается недоступным, не тождественным нашему мышлению о нем? Как мышление замечает отличие математических мыслей от других? Как с этим всем соотносится логика? И дальше вереница вопросов будет только нарастать.

В итоге у нас нет ответа на вопрос о том, что же происходит на самом деле? И у нас есть только какие-то мысли об этом. Разные мысли, разные мысли о происходящем, есть даже математические мысли, есть возможность совершенствовать такие мысли, придумывать новые, и есть также какая-то возможность принимать участие в том, что происходит..., но всегда нужно вспоминать о каком-то скрытом, но вскрываемом в виде мысли «о реальном столе» и «его какой-то площади», и о следующей мысли..., и о следующем происходящем, но скрытом от мысли.

Физика

Фундаментальная физика — это значительное интеллектуальное занятие, как и математика, и такой традиции уже более 300 лет. В границах такого создан значительный теоретический аппарат, для изучения которого необходимо потратить какую-то конкретную жизнь, но и такое потраченное время не обещает в итоге хотя бы какого-то явно основательного или достаточного понимания данного мышления.

Такое выделенное мышление обладает специфическим языком, и такой язык как-то сводим к обыденному языку. И такое мышление, как и другое выделенное мышление, первоначально для своего формирования выделило из языка значительное количество разного, что затем приобрело какой-то самостоятельный смысл. Такое мышление также глубоко взаимодействует с математическим мышлением. И, конечно же, такое мышление — это очень важный способ взаимодействия с происходящим, то есть это не какая-то просто выдумка, такая «выдумка» имеет значительные подтверждения. Такое мышление позволяет получать возможность создавать новые источники энергии, преобразовывать такую энергию во что-то другое, что существенно меняет все остальное происходящее с человеком. Но странное взаимодействие человеческой выдумки и происходящей реальности — это все равно загадка...

Аналитическая психология

Мышление Фрейда так же, как и мышление Адлера¹⁷ — это обычное выделенное мышление. Это мышление, которое пытается выделить себя в качестве какого-то отдельного мышления. И такое мышление, как всегда, все пытается свести к какому-то единому началу, к какому-то первому корню, к какому-то знаку, символу, слову, понятию... и таким образом свести выделенное этим мышлением происходящее к этому выделению, а затем объяснять его в границах такой схемы, а после объяснять таким же образом и другое вовлекаемое в это мышление.

Допустим, если взять такое выделение как «человек», а затем свести это к какому-то факту, к какому-то корню, к какому-то пониманию-смыслу, который как бы раскрывает и объясняет это выделение через это предложенное как основание, то затем через это выделение-сведение такое мышление будет объяснять все происходящее после.

О чем говорит все это, то есть все эти способности выделять? Они говорят о том, что такие способности присутствуют, и все это значительность, но первые основания обнаружить таким образом невозможно. Все попытки сведения-выделения и разговоры о том, что последние основания наконец-то обнаружены, — это разговоры.

После того как будет понято, что любая выделенность-теория-схема — это упрощение, будет разговор о том, что все, что объясняется этой схемой — это только то, что вводится в формат такой схемы, а вся значительность, которую могут предполагать какие-то позитивисты — это их личное заблуждение.

При этом не нужно умалять и силу любого выделенного мышления. Любое значительное выделенное мышление¹⁸ — это мощный инструмент, такой же, как и любой другой выделенный умом инструмент, который позволяет значительно влиять на присутствие. И вводимые понятия, и их толкование имеют жизнь в рамках только какой-то выделенной теории. Но затем такая теория может воздействовать на то, что происходит, обладая способностью быть только таким ограниченным, но очень значительным инструментом.

2. Какое-то слабоумие, пределы научного мышления и на службе

Предположим, что ученые всегда имеют дело с сущим и никогда с самим существованием. Ученый может наблюдать разные предметы, какие-то «тела», человеческие тела, он может делать какие-то выводы о том, что происходит с этими телами, он может рисовать какие-то пост теории, экономические, социологические... уже после наблюдения за тем, как действовали эти тела, это сущее. Но проникнуть в глубину акта, в причину того, почему происходило это уже затем сущее, у него нет никаких способов. И наука в таком бессильна? Или, возможно, все работает иначе? И что «такое знание» может сказать о некоей неуловимой онтологии всего происходящего?

Дух можно свести к экономике, можно свести к физике или метафизике, то есть можно свести к любому «выделенному мышлению», но что в итоге? Дух в любом случае не сводится ни к чему и остается самим собой, то есть какой-то несводимостью. И в уме стоит удерживать радикальную мысль о том, что «гул происходящего, который слышим в мышлении, и само

¹⁷ Поняв такое, Юнг ушел в другом направлении.

¹⁸ Военная теория, экономическая теория, замкнутое математическое мышление...

происходящее» — это всегда не одно и то же. Так же и с духом, как с тем, что есть «это происходящее», но «мысль о нем», как и «сведение его (этого) к мысли» — это не одно и то же. И, возможно, как это показывал Шестов¹⁹, Гегель был бы против такой непознаваемости, но что tolku? Его уверенность в том, что явленное мышление — это единственный план бытия, в котором все уже представлено, все открыто и все доступно — это только уверенность, которая не позволяет узнать ничего действительно нового. В итоге любое такое «сконструированное мышление» становится схоластикой Аристотеля²⁰, каким-то лжеучением о происходящем, какой-то «ложной формальной физикой», которая выдвигает свои предположения из каких-то «формальных предложений явленной логики», предлагая их в качестве последнего происходящего. Но то, что присутствует как явленное мышление, логическое мышление, формальное мышление, «его явленность» — это, конечно же, нечто грандиозное и даже обязательно инструментальное, но, увы, это уже нечто остывшее по сравнению с тем, что присутствует под поверхностью, где и «происходит нечто сильное и нечто загадочное», но что это?

И тут экспериментальная наука, экспериментальная физика, конечно же, становится значительным инструментом действительного конструирования по сравнению с разными «выдуманными проектами формального ума». Но и такая физика имеет определенные пределы, так как для конструирования ей нужен конструкт, и тут проблемы: с одной стороны, конструкт всегда пытается стать формальностью, а с другой стороны, скрытое происходящее не желает влезать в такой или любой другой «конструкт явленного мышления».

И, конечно же, наука позволяет получить ответы на многие жизненные вопросы, но оказывается, что **происходящее и понятое как наука — это то, что изобретено духом, но это не сам дух**²¹. Если бы все наличествующее можно было ограничить практическими, рациональными знаниями, а все, что выходит за такие границы, можно было бы определить в качестве какого-то иррационального, но оказывается, что все рациональное тоже в итоге нечто непонятное и не просто нерациональное — это вообще нечто другое.

Любая попытка абсолютизировать какое-то выделенное мышление и найденное с помощью него или в нем какое-то основание приведет в последующем к поискам основания оснований, а в итоге — к опротестованию всего этого мышления в качестве чего-то сверхосновательного. Но чем будет такое «движение» выделенного мышления? Это развитие всего мышления или это развитие какого-то выделенного мышления? Если такое отдельное выделенное мышление подключено как-то ко всеобщему мышлению или оно как-то происходит в отдельном мышлении, а затем как-то вторгается в какое-то всеобщее мышление, то как понять эти связи? То есть это какие-то поиски чего-то и какие-то решения, все это затем оформленное в какое-то мышление о таком — это все затем выделенное мышление, а затем его самостоятельность, а затем его подключение и растворение во всеобщем мышлении, а затем и изменение через такое какого-то всеобщего мышления — это постоянный процесс взаимодействия всеобщей культуры и каких-то выделенных мышлений. Но как понять все это в целом? И как понять «такой итог», происходящий с каких-то неведомых времен возникновения мышления, а также как понять цель этого процесса, причину, необходимость, направление...?

Научное мышление — это специфическое выделенное мышление, оно отличается от других выделенных мышлений, у него есть своя специфика, есть своя традиция, есть свой особый взгляд

¹⁹ «Киргегард и экзистенциальная философия»

²⁰ Физикой от Гегеля, учением Ламетри, теорией Дарвина, Гексли, социологией Дюркгейма...

²¹ Это нужно повторять множество раз, чтобы как-то понять, затем понять как-то сильнее, затем снова продумать и понять еще глубже и не забывать в итоге.

на происходящее, все происходящее такое мышление понимает особым образом. Научное мышление претендует на обладание рациональностью, абстрагированием, объективностью, истинностью... Такое мышление претендует стать последним мышлением, таким мышлением, которое все же обнаружит последние основания всего и себя в том числе. Такое мышление разработало различные подходы и методики, в границах чего и происходит разворачивание такого мышления; к такому можно отнести и математические методы, и эксперимент, и обязательный редукционизм, и эмпиричность, теоретизацию и другое.

Экспериментальное теоретическое научное мышление — это значительное достижение европейской цивилизации²², которая выделила такое мышление в нечто специфическое, в некий метод взаимодействия и воздействия, в некий инструмент взаимодействия с происходящим, с самим собой и со всем остальным. Такое мышление в качестве особого выделенного мышления — это мощное орудие, которое позволило в прошлом данной цивилизации обойти других, преобразовывая видимую часть мира в нечто специфическое, в нечто очень похожее на себя. Но происходящее сложнее, чем все, что о нем может узнать такое мышление, и такое мышление не может никоим образом уберечь эту цивилизацию от ее заката. В этом и заключается парадокс, то есть как бы достигнув значительных, казалось бы, неких сверхпредимуществ и изменив мир по своему образу и подобию, такая цивилизация почему-то свихнулась... Но почему?

Научное мышление тоже имеет свои границы, оно замкнуто на себе, оно — это выделенное упрощение, и оно не может выйти за рамки своих методов-возможностей упрощений. Такое мышление игнорирует все остальное, что выходит за пределы его понимания, и с недоверием к нему относится. Конечно, же позитивистски настроенный читатель сразу же может в такое ненаучное вставить какую-то примитивную эзотерику, но все проще и при этом сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Допустим, что же такое научное мышление может сказать о моем прошлом, о том, что со мной было, где оно сейчас? Мое присутствие «было или есть» или это только моя память? Или все сложнее? Возможно, что-то из Пруста? А что такое мышление может сказать о всяких ненаблюдаемых онтологических объектах, из которых на 300 % состоит язык и само явленное мышление? А что такое мышление может сказать о том, почему все это существует, все то, что мы видим и не видим? Почему (для чего) мы существуем? Тут могут быть какие-то слабые ответы, но в основном ответ будет такой, что все такие мысли несущественны либо сводятся к каким-то вывихам, но так ли это? Если те, кто был до меня, те, кто шел, те, кто переносил разное, они, оказывается, «шли просто так», и «их всех нет в действительном значении», то есть возможно «никогда не было на самом деле», и это «только моя память», то тогда — это конец всему этому, это какое-то завершение тех, кто скажет, «что все действительно так и есть». Тогда они... не будут продолжать... И если какой-то «ученый», оценив такое, после скажет, «что да, человек без «зачем?», конечно же, тронется умом — это факт, а значит, для него нужно выделить какое-то «слабое зачем?»²³, и пусть он... как-то шевелится..., но такой ученый — тоже часть завершения...

²² Древнегреческой или до нее, и что есть это «до»?

²³ Все на... или собирать какой-то металлом...

Слабоумие научного мышления и вопрос «зачем»

Конечно же, экспериментальное теоретическое научное мышление (спецслужбисткое, политическое, экономическое, флотоводческое...), зная свою специфическую силу, берет свои достижения и спрашивает другое мышление: «А что можешь ты?». Но почему-то такое мышление, несмотря на всю свою якобы силу, через время оказывается слабоумным, свихнувшимся, безосновательным. Такое мышление, вообразившее свое всесилие, в такой момент оказывается перед каким-то крахом, крахом, как считал Ницше последователей Аполлона, тех, кто решает, что их какое-то «очередное мышление» — это сам мир. Но оказывается, что теории и системы — это только нечто выдуманное, какие-то каракули о реальности. Если эти каракули и позволяют создать нечто грандиозное, то все же это не более чем это...

Научное мышление может сказать другому мышлению: «Посмотри, я создал вот эти ракеты, а что можешь ты?» Но другое мышление может развернуться к такому мышлению и спросить его: «А зачем ты создал эти ракеты?», «Для чего ты создал эти ракеты?», «Почему ты создал эти ракеты?», «Зачем тебе эти ракеты?». И когда научное мышление отправится на поиски ответа на эти вопросы, оно в этот момент свихнется, и армии бросят свои танки, и миллионы будут бродить по улицам, потеряв всякий смысл продолжать, а те, кто вроде бы должен отвечать за всех, откроют ворота своих городов и...

Научное (выделенное) мышление бесполезно для того, чтобы «думать о таком «зачем», для него «такое зачем» — это какой-то абсурд, но, увы-увы, именно такой мнимый абсурд — это и есть обычное состояние мышления, а научное мышление — это только выделенный ограниченный вывих. И тогда после (после вопросов) очередной свихнувшийся создатель сверхоружия будет проклинаять тех, кто отправил его создавать такое, он будет радеть за некие «ценности», но что он будет понимать обо всем этом? Или какому-то редактору каких-то микросущностей будут сниться какие-то пророческие сны, но...

На службе у тех, кто знает «зачем»

Любое научное экспериментальное теоретическое мышление, конечно же, стоит на чьей-то службе, оно кому-то служит, тем, кто ему платит, тем, кто его нанимает, принуждает в очередной шар... Но «те, кому» это мышление служит, они думают иначе²⁴. И если они по какой-то причине попадают под влияние научного мышления и вдруг решают, что это все-мышление, то они тоже свихнутся, когда решат подумать о причине, основании и цели всего этого творимого ими на земле.

В итоге может оказаться, что владеющие ракетами — это какое-то сорище слабоумных, которым эти ракеты и даром не нужны, а точнее, они в итоге окажутся в руках тех, кто будет способен понимать другое мышление, в формат которого входят те вопросы, о которых любое научное мышление ничего не знает. И любые попытки обратить научное мышление в какой-то настоящий позитивизм, присовокупив к науке якобы философию, что даст некую возможность говорить об основаниях, утверждать основания в виде какого-то научного диалектического марксизма, прагматизма или других идиом, например, ..мократизации... — это слабые попытки слабоумных делать вид, что с ними все в порядке и что ракеты находятся в руках «достойных».

²⁴ Должны во всяком случае, а если нет, то... или слабоумие, или свихнутость другого порядка...

Научные системы позволяют создать сложнейшие системы контроля, сложные системы производства, информационные и биологические объекты, значительные системы перераспределения различных обозначенных и выделенных ресурсов и другого, что позволяет разуть одну часть мира в пользу какой-то другой. Да, такое мышление обладает значительной властью производить что-то предметное и изменять многое после, но когда такое мышление задаст себе вопросы: «А зачем это все?», «Зачем мне эта власть?», «Зачем...?», в этот момент такое мышление, не найдя в себе никаких оснований, становится чьим-то рабом, рабом того, кто понимает такое «зачем». И поэтому конечными бенефициарами, господами, хозяевами будут не эти с научным мышлением, а другие, те, кто стоят за вопросом «зачем», и если таковые отсутствуют, то все летит с края обрыва бессмысленности или попадает в руки тех, кто такое или другое «зачем» изъездил вдоль и попрек уже не первое тысячелетие.

И очередные варвары, которые увидели достижения очередного Рима, схватят его явное, например, какое-то «научное мышление» и скажут себе, «что такое мышление будет нашим последним мышлением». А затем эти варвары, возможно, решат, что за таким мышлением нет ничего другого, но через время эти или другие варвары, превратив такое мышление в стержень своего мышления, станут в итоге позитивными слабоумными рабами тех, кто обладает каким-то другим мышлением, мышлением о каких-то таинственных «зачем».

Все выделенное мышление — это только инструмент, как и все, что выделяется. Любой предмет, любое слово — это все служит «для чего-то», и такое «служение» — это инструментализм всего происходящего, то есть и ракеты — это инструмент, и финансовая система — это инструмент и... Но можно предположить, что есть какое-то другое мышление, какое-то странное мышление, которое является инструментом для чего-то другого, чего-то не обыденного, не практического, не теоретического, не управленческого..., то есть совершенно для другого, и тут речь даже не о какой-то примитивной эзотерике или каком-то самопознании через «какое-то погружение».

Очередное странное мышление — это результат какого-то вывиха, очень древнего вывиха, того, кто заметил, что кроме происходящей включенности и мыслей о ней, любых сильных мыслей о ней, есть еще и другое, что-то, что выходит за пределы мышления о происходящем, чего-то того, что пытается понять нечто то, что стоит за этим происходящим, и только в сверхслабом значении сюда можно вставить слово «метафизика», так как «классическая метафизика»²⁵ — это выхолощенное мышление о таком, то есть это определенным образом упрощение традиции такого мышления, и самое главное, это «упрощение действительного состояния такого мышления». А само такое странное мышление в чистом виде, в том его происходящем виде — это нечто другое. Возможно, такое мышление будет о каком-то абсолютном господстве, о каком-то абсолютном основании, о том, что стоит за этим всем бессмысленным, о каком-то непонятном присутствии этого всего безумия... или? Или, возможно, тут будет речь о каком-то разном ... или о чем-то таком же, или о чем-то другом... очень разном...

Почему, допустим, тот же Пятигорский отрицательно относился к психотерапии, фрейдизму, бихевиоризму, психологии, политологии, аналитической философии? Возможно, потому, что психолог, психиатр, психотерапевт **уже знает, что такое человек**. А «находящийся в состоянии особой шизофрении» **не знает, что такое человек**, он не знает, что с ним делать, он не знает, как его можно «вылечить» от «его же бытия». Поэтому психотерапевт, для которого все

²⁵ «Метафизика» Эмериха Корета — это нечто очень сформулированное, и это только формальное, то, что не может приблизиться к «действительному разговору о шизофрении».

присутствующее не пахнет каким-то странным запахом тотальной неопределенности, взирает с удивлением или даже с раздражением на любое мышление, которое не стремится с помощью конкретных, «уже понятных и понятых» методов, исходя из уже «конкретной теории человека»²⁶, помочь конкретному активному. Для психиатра все понятно, он знает, что у каждого уже есть «некие признаки» присутствия у него сознания, и эти «признаки» — уже причина «работать с ним». И такое умение, и такие психотерапевты и их практика имеют право быть, как и все такое выделенное мышление, и необходимость такого безусловна, но это ни в коем случае не перечеркивает присутствия и другого мышления, и других практик, практик определяющих странное «зачем» («зачем» Ильина или других, совершенно других).

Если как-то неопределенно поговорить о математике, фундаментальной физике, основаниях науки, то в них тоже сложно обнаружить какие-либо действительные основания, но там можно обнаружить традицию такого мышления, которая очень значительно влияет на все такое мышление. То есть тому, кто движется по такому пути, приходится в каком-то смысле от чего-то отталкиваться, с чего-то начинать. А это «кропотливое и значительное изучение традиции»²⁷ и затем после и последующее мышление будут очень значительно-связаны между собой. А в целом чистые образцы такого мышления не обусловлены ничем, кроме своего начала, то есть такой традиции, а традиция — это в каком-то смысле «особая выдумка такого мышления». И такое мышление свободно в выборе своего направления, своих предметов, своих выводов... Но речь идет только о «чистых образцах» такого мышления. И тут открытым остается вопрос: такие особые разговоры-языки — это только измышления разума или там, с той стороны есть еще нечто, благодаря чему есть такой разговор? То есть традиция говорит о чем-то значительном за ней, но «о чем»?

В свое время психоанализ тоже решил стать научным мышлением. Он выделил свой предмет, создал свою теорию. Но, как и все выделенное мышление, такое мышление ограничено разговорами о своем предмете. Такой предмет объясняется через систему такого мышления, через его теорию и ее постулаты. Но обнаружить предмет иначе, кроме как через «определения» — это невозможность, как и невозможность, обнаружить основания. И разговор о чем-то другом для такого мышления — это неосуществимость или превращение в какой-то абсурд, в физику Аристотеля.

Всегда стоит помнить, что любое выделенное мышление, даже если оно, возможно, как-то верифицируется, в любом случае — это человеческий разговор о происходящем, а что там на самом деле — это, увы, неизвестность. И любой эксперимент говорит о многом, а точнее, о том, что там, за ним есть некая загадка, которую можно вскрыть только через последующую после эксперимента интерпретацию, предположение, уже-теорию. Но такая теория — это формальное упрощение, которое всегда стремится стать каким-то формальным, явленным «тождеством самому себе», «чистой явленной математикой», то есть в итоге не соответствующим тому, что происходит вне его, так как явленное мышление не тождественно неявленному происходящему.

И, конечно же, те, кто владеют конкретным научным мышлением, могут с презрением относиться ко всему остальному, но это не отменяет того факта, что на вопрос: «А зачем они обладают этим научным мышлением?», у них нет ответа. И, соответственно, те, кто будут думать над тем, «зачем нужно какое-то научное мышление», будут являться теми, в чьей «юрисдикции» будут те, кто обладает каким-то выделенным мышлением со всеми их основаниями и

²⁶ Как всегда, неопределенной, недоказательной, противоречивой, неустановленной...

²⁷ Десятки лет труда в таком направлении без возможности затем повернуть в другую сторону...

претензиями на последнее мышление и на завершенность... Но и эти, думающие над «зачем научное», всегда замкнуты в мышлении тех, кто думает над «особым зачем» и «определяет все присутствующее бытие затем...», и если «не определяет», тогда смысл опять утерян, и тогда снова очередная катастрофа...

3. Пределы любого выделенного мышления, «теория всего» и фальсификация

Единственное мышление как слабоумие и «теория всего»

Каждое выделенное мышление желает стать единственным мышлением и утвердить свою единственность, стать чем-то последним, завершенным, каким-то абсолютным началом, какой-то «первой философией теорией схемой всего».

Такие попытки могут быть, такое мышление — это очередной крайний аристотелизм. И такое выделенное мышление — это ставший абсурд, который не замечает «вещи в себе» и считает себя способным сконструировать нечто, что будет равно той последней реальности.

В таком положении может оказаться какая-то уже не-теоретическая физика или какая-то позитивистская²⁸ теория чего угодно, какой-то научный диалектический материализм²⁹ и другое... По-другому — это какой-то очередной культ Аполлона, и за этим не стоит Дионис, который утверждает, что всему этому противостоит какой-то хаос, какое-то страстное безумие бессмысленности...

В итоге может оказаться, что порядок разума, схемы разума — это не мышление вообще, это не то, что есть дух сам по себе, и это не все происходящее, а это какая-то вырваность, выделенность, упрощенность, схематизм... И в итоге окажется, что **последний рассказ — это стремление, но не то, что присутствует на самом деле**, так как «присутствия на самом деле», увы, нет, это только мечта о таком.

То есть происходящее — это загадка, тайна, скрытое и что-то об этом — это что-то, но что? И вера в то, что, получив в руки какое-то «мнимое что-то»³⁰, возникает возможность **подмять происходящее**, в итоге оказывается и заканчивается каким-то крахом, каким-то очередным в самом слабом значении, например, финансовым кризисом, а иногда и более чем-то значительным, что может подкосить нечто очень значительное. И, возможно, в итоге какой-то «инструмент» поставит под вопрос и возможность выживания всего свихнувшегося вида.

И никакое научное мышление не может ничего сказать о том, почему каждый из нас пришел сюда, зачем каждый присутствует в этом происходящем, и..., а также почему не будет присутствовать после или почему... почему... и почему есть возможность думать о таком..., а далее

²⁸ Постпозитивистская, пост...

²⁹ Упрощенный Гегель.

³⁰ Инструмент какого-то преобразования, например, теория блицкрига, паровой двигатель, синтез клетки.

и зачем присутствует все это происходящее, а присутствует ли и что есть это присутствие на самом деле? И... дальше какой-то особый колодец...

Научному мышлению такое безразлично, в таком нет вроде бы адекватной-практической пользы, наука на такое может дать только какой-то банальный ответ, от какого-то «науке неизвестно...» до какого-то «учения о большом взрыве».

Научное мышление не понимает, о чем спрашивает спрашивающий, точнее, для научного мышления такой спрашивающий не совсем здоров, его нужно как-то вылечить, для начала ему нужно предложить какую-то выделенную теорию о каком-то взрыве, даже не понимая ничтожности такой теории для действительно спрашивающего Кьеркегора.

И любая положительная метафизика, ставшая выделенным мышлением³¹, тоже может предложить какой-то аристотелизм, но это тоже ничтожность. Соответственно, любое вот такое ставшее мышление, переставшее быть мышлением в своем действительном скрытом состоянии, мнит себя нормальным, но оно совершенно неадекватно³². При этом любые попытки с помощью выделенного, даже метафизического положительного мышления поговорить о каком-то действительно-адекватном мышлении превращаются в какой-то бессмысленный абсурд и затем становятся чем-то мертвым, каким-то мировоззрением, идеологией или даже позитивным религиозным учением³³... (см. работу Свааба «Мы — это наш мозг»; мы — это наши чувства; мы — это наши гены; мы — это наши родственники; мы — это наше счастье; мы — это наш пол; мы — это наше тело; мы — это наше вчера; мы — это наше пространство; мы — это наше ничто; мы — это наше все... и другое в том числе). И все это в итоге какие-то слабые попытки скрыться от колодца и вместо встречи с ним предложить нечто «действительное», но на самом деле какую-то глупость или какой-то ставший неадекват, формализм, позитивизм, пост позитивизм, пост, пост... В итоге любая научная философия обращается в какую-то абракадабру, в какое-то «непонятное ни о чем», в какое-то схоластическое словоговорение. Но за таким всегда есть нечто другое, нечто скрытое, какая-то странность, которая почему-то и есть адекватность...

Конечно же, обладающие научным мышлением могут с презрением относиться к другому мышлению, но на вопрос о том, «зачем они обладают таким мышлением», у них нет ответа. Соответственно, те другие, это те, кто может думать над любым таким и другим «зачем» и не только «зачем», но и любым «основанием» и не только «основанием». Но любое такое затем после перехода через край небытия станет очередным аристотелизмом. И такой способ «общения с основаниями», их последующая «конкретизация в границах какой-то теории», а точнее, в онтологии, которая на самом деле не может выйти за границы человеческого мышления, — это какое-то проклятие или оковы, наложенные на человеческий разум, которые не позволяют видеть-останавливать происходящее иным образом.

Любое выделенное мышление может игнорировать «разговор об основаниях», и любое выделенное мышление может существовать без разговора об основаниях. Оно может существовать само по себе; так, например, квантовой механике все равно, что есть учение о начале Вселенной или о грамматике языка, а последней все равно, что думает о таком математик.

³¹ Системой XX, а дальше чьи-то инициалы.

³² Любой «знающий до конца» или «до последнего основания знающий, как надо» — это абсолютный псих, какой-то «солдат группы армии «Центр».

³³ И то, что противостоит какой-то вульгарной религии — это какая-то вера, какое-то происходящее без фиксации в виде положительного учения, и — это всегда нечто загадочное и неуловимое позитивными способами фиксации. И в тот момент, когда такое становится знанием, оно прекращает быть живым, тем, которое смотрит сюда оттуда, с той стороны колодца нормальности.

При этом любое выделенное мышление может изображать из себя какой-то разговор об основаниях или утверждать, что оно является каким-то сильным разговором об основаниях. И таких учений достаточно... И любое учение, утверждающее, что оно есть последний разговор об основаниях — это какое-то бесполезное псевдо-учение или по-другому — это какая-то негативная, но обязательно положительная метафизика.

Позитивистская фальсификация знаний о субъекте

Всеобщая позитивистская наука о субъекте, о его присутствии, о происходящем с ним, о том, как он взаимодействует с происходящим — это какое-то слабоумие, некая имитация научности, манифестация какой-то знательности. И такую «науку о субъекте» иногда считают только искусством, то есть чем-то особо выдуманным, относя при этом к действительной науке только нечто особое, некую традицию экспериментального научного мышления о естественных явлениях.

Например, как можно понять такие словосочетания, как «функции менеджмента» или «признаки менеджмента», «характеристику власти», «предмет социологии», «теорию государства», «доктрины права», «основные характеристики общества»³⁴?

Дело в том, что онтологический статус таких объектов, как «власть», «менеджмент», «социум», «управление», «право», «экономика», имеет особое онтологическое определение. Допустим, «стол» как мысль, а затем какая-то видимость в качестве действительно определенного предмета может предположительно обладать неким функционалом для меня. И рассматривая его (стол) (в мышлении), можно замечать у такого предмета некие признаки, некие характеристики (основные и любые другие) и другое³⁵. Но как же быть с такими предметами, как «государство», «власть», «личность», менеджмент», «политика», «социум»...? Можно делать вид, что это все «есть» в качестве установленной онтологической единицы или в качестве признака, возникающего в результате присутствия субъекта, или... А затем таким же образом возможно сфальсифицировать любую видимость некого знания, системы знаний, теории, структурности, суммы слов... Но вся такая выдумка — это только выдумка и что-то еще, но такое «еще» — это то, что может подвергаться определенной позитивистской фальсификации. И такая фальсификация может предполагать многое всякого, каких-то слов, каких-то слов на бумаге...

Конечно, присутствуют непреложные и жидкие факты присутствия в происходящем, и такое присутствие в присутствии может иметь разное описание, разное определение, разное понимание, разное мышление о таком в качестве какого-то выделенного мышления.

И такое особое присутствие, возможно, предполагает какое-то за ним, но выделить все это происходящее в нечто онтологическое — это невозможность. Описание такого «присутствия в присутствии», а также и «присутствующего самого по себе» может быть не только каким-то описательством, но и каким-то знанием, практическим знанием и даже тем, что стремится понять, что же это все на самом деле? Как можно увидеть становление такого мышления? Как можно понять процесс от его выделения до какой-то итоговой фальсификации, то есть завершения такого в качестве мышления?

³⁴ А есть не основные?

³⁵ Но если двинуться к проблеме «сущности и существования» стола, то вся «предметность» сразу же выйдет из-под контроля..., и никакого «стола» в итоге не останется... так же, как и любой похожей «онтологической» единицы...

Допустим, врачевание расстройств человеческого духа, различных душевных заболеваний — это значительная проблема, стоящая перед человеком с начала его присутствия в присутствующем. Но что о духовном, как о чем-то конкретном, может знать человек? И тут оказывается, что ничего окончательно-определенного в таком значении, допустим, та же философия, предложить не может. То есть некая «философия духа» может значительно долго что-то обдумывать о так называемом духе, о духовном, душевном, сознании, но для лечения расстройств такого неопределенного в качестве предмета будет недостаточно³⁶. И тут может (позитивизм тут может стать подспорьем) возникнуть мыль о том, что неважно, есть ли душа или что есть на самом деле ум. Допустим, это некий «черный ящик» и некие явления (происходящее), то в таком смысле это можно объединить какими-то словами — сознание, психе... и другое..., но такое определение не создает никакого предмета! А дальше можно каким-то образом определить взаимодействие с таким выделенным мышлением, предположить его структуру, предсказать его поведение, организовать воздействие на него, предположить (по выявляемому) какое-то лечение расстройств... И для объяснения-выделения такого может возникнуть теория Фрейда, Юнга, Адлера, Франкла или других.

Но всегда нужно понимать, что вне таких конкретных теорий, где все происходящее в таком контексте становится определенным выделенным мышлением и затем практикой, практикой лечения расстройств, — это какое-то ничто, это какая-то фальсификация. То есть любая общая психология, общая теория управления, общая экономика, общая политическая наука³⁷..., которая игнорирует выделенность Фрейда или выходит за ее рамки, не понимает ее, — это, в большей степени, фальсификация конкретного выделенного мышления, конкретной теории управления Тейлора, социальной теории Питирима Сорокина, теории экономических волн Кондратьева, которые ни в коем случае никогда не говорят о последних основаниях, потому что они о них ничего не знают. И в таком «общем» в какой-то момент, возникает забывание того, что создатели выделенного мышления не рассчитывают, что их теория предполагает какое-то онтологическое присутствие того, что было выделено в качестве мысли. То есть их мысли о чем-то, ставшие затем каким-то символами, это всегда мысли, а не готовые мертвые схоластические символы-предметы. И это уже «общее мышление о предмете», и там, где предмет отсутствует, это — какое-то ничто, какое-то слабоумие, начетничество. То есть действительное выделенное мышление — это только мышление о черном ящике без какого-либо явного предмета, объекта, его функций...

Но почему-то всегда те, кто не обладает способностью свободно мыслить (и понимать, что последняя реальность — это выделенные мысли о существовании), превращают конкретное выделенное мышление в какое-то предметное мышление, общее позитивное научное мышление о несуществующем предмете, в схоластическое мышление, в научный марксизм, в разговоры об открытом ..., в науку о..., где есть методы, функции, предмет, закономерности... и другое выдуманное присутствующее, но почему-то нет никакой способности с помощью такого взаимодействовать с действительно происходящим. В итоге такое «знание» становится какой-то имитацией, фальсификацией, каким-то мертвым псевдо знанием, научной идеологией..., политической доктриной для атаки на... А рядом, там, где происходит действительная практика, всегда будет применяться какое-то конкретное свободное выделенное мышление. А очередной позитивизм всегда вне процесса..., ну или нужен в процессе только как мертвый, не мыслящий инструмент для слома, атаки, воздействия, господства, подавления, манипуляции, запрета...

³⁶ Но всегда нужно помнить о взаимодействии с таким, например, того, что предложил Франкл, ну или то, как такое понял Юнг.

³⁷ Лекции Пятигорского.

То есть некое «позитивистское всеобщее знание о какой-то традиции выделенного мышления» может быть, но такое позитивное мышление — это не то выделенное мышление, а это какое-то знание о нем. И такое «знание», конечно же, может позволить что-то узнать о каком-то действительном мышлении и возможности с помощью него взаимодействовать с происходящим, но это — только это и не более... И это ни в коем случае не какая-то «действительная наука», точнее, это «знание о традиции какого-то выделенного мышления», и только в качестве такого его можно понять... Но его также можно использовать как какой-то инструмент для присутствия в действительности, но такой инструмент будет иметь особое значение, это будет какая-то мертвая конструкция для чего-то другого...

Возможно, цель гуманитария — изменять человека, работать с ним. Но цель гуманитарной науки — это изучение человека и дальнейшая работа с этим. Но человек, как и все остальное — это допущение... Отсюда возможно наличие различных интерпретаций, фальсификаций, но и практики затем, разной практики...

Подмена мышления и происходящего. Путаница, деградация...

Иногда случается, что кто-то, ознакомившись с каким-то выделенным мышлением, мышлением о чем угодно, в какой-то момент начинает воспринимать такое мышление в качестве не только мышления, не только какого-то «математического (биологического, экономического, физического, мыслительного) объекта о каком-то происходящем», а в качестве чего-то, «что происходит», и неважно, в каком происходит, в этом «широком происходящем».

Конечно, бесспорно, выделенное мышление позволяет взаимодействовать с происходящим, позволяет подходить к нему с точки зрения фундаментальности, целостности, всеобщности, абстрактности, практическости, конкретности, инструментальности..., но это ни в коем случае не само происходящее, поэтому любая радикализация выделенного мышления о чем угодно — например, «о субъектии» — это какое-то слабоумие, но это не исключает наличия и присутствия такого...

Тот, кто охвачен таким слабоумием (помешательством...), может распространять его на разное, и такое слабоумие тоже будет определенным-очередным каким-то «выделенным мышлением 2», которое как инструмент будет воздействовать на происходящее..., на жизнь отдельных субъектов и на субъектии в целом. И такое «выделенное мышление 2» будет какой-то упрощенной копией того «выделенного мышления 1», которое было прототипом этой произошедшей деградации мысли, которая в своем первом состоянии была в курсе того, что это какая-то выдумка, возможно, очень значительная, но, увы, это только выдумка мышления, способного выдумывать значительность.

...

Например, бывает ситуация, некое положение дел, при котором происходит мыслительная путаница, то есть некие конкретные двадцать тонн металла и словосочетание «двадцать тонн металла» выдаются за одно и то же; или некое «статистическое представление об обществе» выдается за само это общество; или некое «учение о каком-то историческом развитии» преподносится как «само это неизвестно куда происходит»; или некое «математическое представление об экономике» выдается за эту условно экономику, армию, жизнь... И почему такое происходит? Ситуаций «почему» может быть множество, но если говорить о какой-то «слабой деградации» такого, то это можно представить так.

Допустим, в какой-то момент «вертикаль управления чем-то» становится сверхсложностью с какой-то бесконечной степенью составляющих, и сама вертикаль, и управляющее. Чтобы понять, что происходит с тем управляемым и с тем, как им управлять, нужны какие-то классификационные механизмы упрощения и сведения этого многообразия к чему-то простому, схематическому...

Таким механизмом упрощения может быть какая-то наука или какое-то особое выделенное, живущее своей жизнью, мышление, позволяющее с помощью каких-то схем, каких-то конструкций понять мир тому, кто подключен к миру через такое мышление. И тут также может быть взята даже какая-то математика, и такая математика может в итоге стать механизмом определения происходящего, но в какой-то момент может возникнуть иллюзия, и такая только математика начнет подменять происходящее, и тогда... катастрофа, ряд катастроф...

И в какой-то момент те, кто занят работой с таким сверхсложным, уже не могут отличить одно от другого, и тогда возникает сложное мыслительное расстройство, которое, конечно же, может быть инструментом для каких-то спекуляций. То есть те, кто смог освоить какую-то конкретную математику, могут внутри такой отрасли через различные механизмы создавать различные схемы воздействия на действительно происходящее, и им может быть все равно, для чего существует такая система сама по себе, главное, извлечь нечто в свою пользу с помощью «такой математики»...

Тут может зайти разговор о какой-то идеологии, как о каком-то опасном упрощении, и в таком контексте «идеология» — это нечто отрицательное, нечто сверхложное... Но все устроено несколько иначе, стоит лишь предположить, что «любое мышление — это упрощение, а не то, что происходит». Но забыв это в каком-то сверхзначении или отрицая такой факт в каком-то глобальном значении, или запрещая утверждать факт различности мышления и происходящего, можно «взять любое выделенное мышление» и утвердить его в каком-то «абсолютном значении» в качестве происходящего, и вот тут и возникнет слабоумие всех подключенных к такому. Но те, кто опротестует такое с помощью нового выделенного мышления, через какое-то время, скорее всего, забудут, что их мышление — это не то, что происходит..., и опять какое-то слабоумие...

Сводимость понятий и упрощение

Сводимы ли понятия из одних языков с другими или, скорее всего, это не совсем так? И можно предположить, что если речь идет о каких-то математических понятиях, то тут соответствие их осмыслиения может быть похожим, но если речь идет о политических понятиях, тогда все сложнее. И это, возможно, связано с тем, что осмыслиение понятий раскрывается через всю полноту данного языка и того, что за ним, через всю его целостность, и, возможно, разные языки являются несколько иной такой целостностью, и они существуют как конкретность как-то иначе, погружаясь туда, в непонятную глубину.

И, возможно, нам из «нашего объема языка» не понять то происходившее, в том его каком-то первоначальном смысле и то, чем мы обладаем — это какие-то упрощения в словах всего того сложно-происходившего. Наши исторические теории того мира, наши попытки придумать этому всему закономерность, связанность, и нашу последовательность в этом всем происходящем — это наши способы придумывать себе конструкции. Такие конструкции позволяют оставаться нормальными там, где нет никакой нормальности, там, где сплошной неадекват и вывих. Возможно, вся эта история — это всего лишь какое-то значительное противостояние. Но, возможно, это и нечто иное, и что значит «это иное», нам это доподлинно не понять.

Остывание и гибель выделенного мышления

Выделенное мышление, когда оно становится каким-то остывшим выделением, в какой-то момент начинает жить своей жизнью. И если в какой-то момент такое мышление начинает остывать окончательно, тогда оно перестает взаимодействовать с тем «реальным» мышлением и с до-мышлением, с тем, во что все это обращается, и тогда такое выделенное мышление отмирает, превращается в набор каких-то пустых символов.

И если исчезают последние те, кто может воспроизвести «эту музыку» в своем универсальном аппарате воспроизведения, тогда такое мышление перестает быть мышлением и исчезает³⁸. Такие мертвые памятники мысли могут удивлять взор какого-то пытливого ума, но реставрация такого выделения не всегда позволяет его воспроизвести в том первоначальном виде. И никогда такое выделенное мышление не существует в том первоначальном виде, то есть это всегда вторичность, затем вторичность и снова вторичность...

Но иногда такое остывшее мышление оказывает значительное влияние на все происходящее. То есть какие-то части такого мышления, какие-то мысли, нечто найденное, обнаруженное, открытое, сконструированное — это все или что-то из него может проникать туда, в широкое всеобщее мышление, в тех, кто мыслит, и не только «об этом выделенном», а о разном, обо всем. Такое выделенное мышление не может быть автономным, оно всегда часть всего происходящего мышления, которое тоже часть чего-то другого, но чего — это только гипотеза.

Иногда бывает так, что всеобщее мышление в результате какого-то кризиса погибает, и оставшийся осколок культуры может найти другую родину, другую культуру, другой язык — таких исторических случаев достаточно. Иногда какое-то выделенное мышление может значительно повлиять на всеобщее мышление и изменить его в целом, а затем и так называемую культуру. Так случалось, что какое-то выделенное мышление, вызревшее в каком-то языке, в каких-то умах, в каком-то мире, после гибели этого мира и даже языка с помощью каких-то механизмов все равно каким-то образом может влиять на другое мышление, на какую-то новую культуру, на каких-то «варваров», продолжая жить новой жизнью...

Образованная бездарность

Можно все знать о каком-то особом языке, о каком-то выделенном мышлении, но такое достаточно глубокое знание какой-то практики выделенного мышления не позволяет понять, что «такое мышление» — это какая-то **выдумка в очень сильном значении**, и это не просто какая-то выдумка в формате голой фантазии, это сильнее...

Но такой специалист не может этого понять как выдумку и не может ничего выдумать в итоге, ведь для того, чтобы что-то выдумать, надо «то, что понятно как присутствие», ощущать как ино-реальность. И тут проблема в том, что если большинство и могут по каким-то причинам, с помощью какой-то мотивации выучить какой-то язык, то способность «выключаться из включения» не может быть получена как знание — этому нельзя научиться, это нечто другое.

³⁸ Вместе с остальным...

Состояние «образованной бездарности» порождает ситуацию «тотальной включенности», ситуацию непонимания присутствия чего-то несознательного, чего-то внесознательного, чего-то присутствующего, но не мышления... Такой идеально знающий какое-то учение не может понять, что «его знание» — это «только явленные мысли» (ничтожность, остановленность); конечно, такие явленные мысли (мертвость) могут что-то говорить о происходящем или даже что-то производить с происходящим, но это не само это происходящее (безумие)... И такой включенный всего лишь слабоадекватен (слабоумен)... Но для перехода к тому (безумию) нужно быть сверхадекватным (безумным)...

Вера в чудеса тут

Никто и никогда не отменит веру непросвещенного ума в какие-то чудеса любого характера — метафизического, политического, экономического... в то, что можно каким-то образом преодолеть некие физические данности (происходящее) или какие-то человеческие значительности, возникшие ранее. Конечно, иногда хочется взять и победить миллионную армию врагов каким-то хотением, но для реализации желания перед этим должна была происходить значительность, и эта значительность предполагает разное, например, рождение кем-то этих миллионов, которые будут противостоять врагу, и если этого не произошло, тогда все будет происходить как в статье «... перспективы»: «... платить...». Или пожелав накормить миллионы, но, увы, увы..., или протянув руку, дотянуться до чего-то в прошлом, будущем или на другом конце Вселенной.

Но на самом деле с помощью мистических хотений превозмочь неопределимые данности нельзя, можно превозмочь только некие духовные данности и таким образом изменить это происходящее, не затрагивая этого тут в примитивном значении, которое для духа всегда какая-то недоступность, с точки зрения его базовых характеристик.

То есть методы взаимодействия всегда обусловлены определенным форматом, и, создавая какие-то математические конструкции, можно затем как-то влиять с их помощью на это происходящее, или создавая какие-то другие формы мысли, учения, теории, решения, модели, конструкции, предметы, процессы, конкретности мышления, формы вырваности, которые на каком-то особом уровне могут взаимодействовать с происходящим. И вот только так, через работу с неким ментальным, через него, из него, с его помощью... возникает чудесное, действительное, адекватное, реальное взаимодействие с присутствующим...

4. Сверхсила выделенного мышления

Отрицание другого выделенного мышления

Всегда присутствует иллюзия, при обладании каким-то выделенным мышлением, что другое, непонятное для тебя выделенное мышление — это какая-то глупость, и те, кто таким занимаются — это какие-то бездельники... И при отсутствии опыта работы с каким-то конкретным выделенным мышлением оценка другого происходящего, исходя из собственного опыта пользования каким-либо выделенным мышлением, приводит к тому, что другое происходящее примитивизируется, опошляется или каким-то образом извращается. То есть иногда профессиональный физик может считать, что вся политическая деятельность — это какая-то выдуманная глупость, но политическая практика, несмотря на любое отношение к ней, вторгается в жизнь любого физика, и, возможно, призовет его к действию, риску, ответу...

Любой, обладающий каким-то конкретным развитым выделенным мышлением, может не понимать другое выделенное мышление, и такое непонимание также является причиной того, что невидимым становятся различные предметы, объекты, связи и другое, что выявляет и понимает какое-то конкретное выделенное мышление. То есть всегда присутствует определенная смысловая слепота — часть видимого мира, который видим с помощью какого-то выделенного мышления, будет невидима тому, кто обладает другим выделенным мышлением.

Каждое выделенное мышление может с недоверием относиться к другому мышлению, но может с недоверием относиться к обыденному мышлению. Хотя все это мышление будет происходить вместе с конкретным обыденным мышлением, которое привязано к конкретному языку, традиции, пропаганде, мировоззрению... «теории адекватности» и чему-то происходившему до этого и внутри «этого до», и за ним, в чем-то непонятном, и выявляемого затем в формате слабых слов «культура», «цивилизация»...

Каждое выделенное мышление может презирать другое выделенное мышление. Оно может считать его какой-то глупостью, но это не отрицает того, что другое мышление будет существовать вне зависимости от того, как к нему относится какое-то другое выделенное мышление.

И какое-то особое выделенное мышление, какая-то «эзотерика» всегда будет присутствовать и будет считать другое выделенное мышление (например, какие-то научные мыслительные практики), что это некая иллюзия, обман, надувательство, и только вот эта его эзотерическая выделенность — это нечто действительное.

И любые попытки предложить для обоснования некие критерии «истинности» или опираться на некую достоверность, практику, верификацию, доказуемость, подтвержденность, а также попытки определить некий онтологический статус для «действительного» мышления будут исчезать в «странным колодце», в котором почему-то нет никакой воды...

И всегда любое ставшее выделенное мышление не хочет заглядывать в этот «странный источник», потому что оно боится увидеть там нечто очень пугающее, и даже не какую-то бездну или некую дурную бесконечность. Пугающим в таком является не проблема отсутствия дна, а проблема того, что любое действительное «заглядывание туда» уже через миг становится чем-то

«особо другим» в таком неизведанном... А где «действительность»³⁹, которая была до? И что остается после «заглядывания туда» от конкретного выделенного ставшего мышления?

Упрощение выделенного мышления

Любое выделенное мышление, любая традиция какого-то «выделенного мышления» может наличествовать сотни, тысячи лет, и такое замкнутое, но сообщающееся с другим «выделенное мышление» может быть очень значительным, очень извилистым, очень сложным. И не всегда такое мышление — это мышление о чем-то значительном для тех, кто живет сегодня, то есть его измеримая в каких-то параметрах польза может быть именно сейчас полностью бесполезна.

И любая мысль «о каком-то конкретном выделенном мышлении» со стороны не включенного может быть каким-то упрощением большой практики. И в слабом значении — это какое-то упрощение выделенного мышления, так сказать, какая-то «физика для школьников» или «мировое искусство для обывателей», «политика для всех», «всеобщая теология», а в сильном значении — это полное отрицание значения какого-то выделенного мышления и в последнем значении — это какая-то глупость (слабоумие) о каком-то выделенном мышлении.

И тот, кто глубоко понимает какое-то конкретное такое мышление, наблюдая упрощенного зрителя и его упрощенные точки зрения на это все, чаще всего относится к его «слабоумию» с каким-то определенным снисхождением. И зритель, и его слабоумие может иметь разные выражения — это может быть ненависть, презрение, отрицание, преклонение, восторг..., но в любом случае, это не сама традиция такого мышления, это не само это мышление в происходящем виде.

Конструкт как ино-инструмент воздействия на мышление

Выделенность (концепт) позволяет «управлять реальностью», но что есть «такое управление» — это сложная метафизическая загадка, как и то, чем является все-мышление и другое. Но такое все же есть как нечто сверхсильное.

Такая выделенность может быть каким-то особым инструментом воздействия на личность-дух. И такая конструкция — это значительность, это значительный способ воздействия на происходящее, но это и проклятие самой личности, но почему это проклятие? Дело в том, что явленная сознательная личность явленно имеет дело только с уже остывшим мышлением, только с конструкциями, и всегда кто-то другой может использовать «какие-то упрощенные конструкции» против какого-то мышления и против твоего, но, возможно, в итоге и против своего мышления в том числе... И особое оглуление себя и других будет всегда нависать над какой-то верой в силу какого-то конкретного выделенного мышления, которое в таком смысле всегда стремится к остыvанию, к деградации, таждеству, а вместе с таким будет остыvать и все остальное, с чем соприкасается такая остыvшность...

И человеческое мышление технологично в том смысле, что оно может взять любой конструкт и использовать его как инструмент. Например, изучение какой-то концепции позволяет определенным образом изучить реальность и начать на нее воздействовать. Допустим, понимая,

³⁹ Социальная, политическая, жизненная? Куда исчезают памятники прошлого, почему вдруг становятся заброшенными храмы и места упокоения предков?

что другие субъекты устроены как-то по-другому, можно предлагать или даже требовать от них изменить тот или иной принцип «свой-чужой», что, скорее всего, повлечет за собой разрушение какого-либо «образования».

Выделенное мышление как сверхпреимущество и мнимая бесполезность теоретиков

Обладание, а точнее, какое-то глубокое знание о каком-то выделенном мышлении — это значительное преимущество одних умов перед другими, одних сообществ перед другими, одних культур перед другими.

В происходившем так было не раз, и те, кто не обладал каким-то способом мышления, какой-то выделенностью, терял какие-то конкретные преимущества, а в результате становился каким-то объектом или вообще исчезал.

То есть изучение значительной практики явленного мышления, а также отраслей мышления, производство нового мышления, развитие какого-то мышления, думание о чем-то, мышление о каком-то происходящем — это необходимость. Но, конечно же, принудительность в таком вопросе — это бесполезность, то есть причина развития мышления достаточно загадочна. И очень часто мышление, возможно, становится необходимостью для участия в происходящем, но иногда мышление может быть причиной чего-то другого, чего-то непонятного.

Любые попытки принудительно возбудить какое-то мышление о чем-то могут быть, но не всегда такое будет иметь какой-либо положительный эффект, и, скорее всего, любое принудительное мышление — это пустое мышление.

Чаще всего мышление, его отраслевизм может быть результатом какого-то великого движения, великого стремления, великого скачка, а после такого произошедшего можно будет наблюдать и какое-то произошедшее мышление, затем пост мышление, после мышление..., а в итоге — вырождение...

И те, кто «управляют самолетом», нуждаются в теории, как это делать. Но если теория опровергают практику, возникает противоречие между «реалистами» и теоретиками. И между ними вроде бы всегда должен быть симбиоз или постоянное взаимное дополнение. Но, возможно, сами «факты вступают в противоречие с теорией»; и тогда либо реалисты «выкидывают вон» теоретиков, при этом привлекая других теоретиков (потому что без них — только какая-то «схема с шаманами»), либо теоретики выкидывают фактологов, и тут коллизия, они или находят других фактологов, или сами ими становятся. И тут можно вспомнить о взаимодействии становящейся европейской науки и средневековой схоластики.

Но если в итоге какая-то выхолощенная теория отвергает упрощения в качестве реальных законов гравитации, то корабль развалится. И если какая-то возникшая теория «как-то сильнее соответствует тому, что происходит», то возможно и какое-то сверхуспешное движение куда-то вперед, выигрыш соревнований, продолжение бытия...

5. Другое происходящее и другое мышление о нем

Рациональное взаимодействие с миром, создание моделей рациональности, математических моделей, но и других выделенных практик, которые якобы что-то говорят «последнее» о мире — это значительная способность «останавливающегося тут мышления». Происходящим надо как-то управлять, управляться в нем, участвовать, становясь «чем-то», и поэтому рациональные схемы являются важным способом взаимодействия с действительностью.

То есть преобразование действительности в нечто, что предметно-подвластно уму — это реализация присутствия мышления, но это не все что наличествует, то есть взаимодействие намного значительнее, нежели какое-то отдельное выделенное мышление, отсюда возникают ошибки и иллюзии, которые охватывают того, кто получил какие-то преимущества. Но затем наступает отрезвление, катастрофа, кризис, гибель того, кто поверил, что он смог взять происходящее под контроль.

И широкое происходящее значительное всех выделений и несется в неизвестном направлении. Победитель в каком-то акте жизни, ставший сегодня живым, победитель в какой-то войне, победитель в каком-то соревновании — это победивший на миг, но затем миг сменится другим. А затем и победитель тоже станет другим, перестанет понимать то, что произошло, двинется в другом направлении, а в итоге будет стерт и раздавлен или сможет принять и жить, понимая, что он не понимает, что же происходит на самом деле в каком-то его последнем значении.

И, конечно же, сила рационального предметного мышления, в том числе и та, которая позволяет «превращать все в предмет» — это мощное орудие, позволяющее создавать многое. Но как быть с остальным «присутствием мышления», с тем его постоянным подключением к сильному происходящему через рождение, жизнь, сны, смерть...? Что это?

Конец третьей части

А. Руснак

О ВЫДЕЛЕННОМ МЫШЛЕНИИ И ДО-МЫШЛЕНИИ
Опыт странного мышления

Ч. 3.

Корректор - Ерина Яна

При создании иллюстрации обложки было использовано изображение - Own work, CC BY-SA 3.0, via Wikimedia Commons; File URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/49/Efez_Celsus_Library_5_RB.jpg

Издатель Чернявский Д. А.

пр. 200-летия Кривого Рога, 17 (ост. «Спасская»)

Свидетельство ДК 3449 от 02.09.2009 г.

 oktanua **oktanua** **oktanprint@ukr.net**

 +38 (067) 46-46-102

 oktanprint.com.ua; oktanshop.com; oktanprint.cz

ТИПОГРАФИЯ **ОКТАН-ПРИНТ**